
ПОЛИС

1'98

Политические
Исследования

Научный и культурно-просветительский журнал

Издается с 1991 г.

Выходит 6 раз в год

№ 1 (43) 1998

Читайте
в следующих
номерах:

Теория и практика
переходных процессов

“Страна неотстроенной демократии”

POLIS

Political Studies

Учредители:	ИНСТИТУТ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ РАН, МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, НЕКОММЕРЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО "РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА "ПОЛИС" ("ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ")"
Редсовет:	Г.Г. ВОДОЛАЗОВ, С.Ф. ГОНЧАРЕНКО, И.М. КЛЯМКИН, Б.И. КОВАЛЬ, Н.Н. МОИСЕЕВ, И.К. ПАНТИН, В.В. РЯБОВ, Т.Т. ТИМОФЕЕВ, И.И. ХАЛЕЕВА
Редакционная коллегия:	И.К. ПАНТИН, Т.А. АЛЕКСЕЕВА, Ю.А. ВАСИЛЬЧУК, К.С. ГАДЖИЕВ, А.А. ГАЛКИН, Л.А. ГАЛКИНА, Л.А. ГОРДОН, Ю.А. ЖИЛИН, В.М. ИВАНОВ, М.В. ИЛЬИН, Б.Г. КАПУСТИН, И.Б. ЛЕВИН, Л.Л. ЛИСЮТКИНА, А.Ю. МЕЛЬВИЛЬ, Н.П. ПИЩУЛИН, А.М. САЛМИН, Е.В. СЕМЕНОВ, В.В. СМИРНОВ, А.К. СОРОКИН, Ю.А. СУХАРЕВ, Л.Ф. ШЕВЦОВА, Т.В. ШМАЧКОВА
Политический директор:	И.К. ПАНТИН
Генеральный директор:	М.В. ИЛЬИН
Шеф-редактор:	Т.В. ШМАЧКОВА
Редакция:	Г.А. АБРАМОВ, А.В. БЕЛОКРЫЛЬЦЕВА (ответственный секретарь), Л.А. ГАЛКИНА, Н.А. ГАЯМОВА, О.В. ЗЕЛИК, Л.Н. КУЗНЕЦОВА, Б.В. МЕЖУЕВ, Е.В. МИХАЙЛОВА, О.Г. НАГОРНЯК, С.С. СЕРГЕЕВА, А.Л. СИДОРОВ

"Полис" ("Политические исследования", 1998, № 1, 1-192 стр.

Адрес редакции: 101831, Москва, Центр,
Колпачный переулок, 9А; телефон: 917-94-63, факс: 921-01-32.

Сдано в производство 8.01.98. Подписано к печати: 14.02.98.
Формат 70 x 100 1/16. Гарнитура "НьютонС". Печать офсетная.
Печ.л. 12,0. Уч.-изд.л. 24,4. Тираж 3600. Цена свободная
Индекс 70790. Заказ 3322

НП "Редакция журнала "Полис" ("Политические исследования");
ЛР № 063400
101831, Москва, Колпачный пер., 9А; тел. 916-27-64, 917-94-63.

Отпечатано в Московской типографии № 2 РАН
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

За разрешением на перепечатку или перевод
опубликованных в журнале материалов об-
ращаться в Редакцию.

Страницы журнала открыты для дискусси-
онных материалов, поэтому его содержание
не обязательно отражает точку зрения Учре-
дителей и Редакции.

© "Полис" ("Политические исследования"), 1998

ПОЛИС

СОДЕРЖАНИЕ

Представляю номер.....	4
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС	
С.А. Ушакин. Функциональная интеллигентность.....	8
А.В. Захаров. Народные образы власти.....	23
Н.Петро. О концепции политической культуры, или Основная ошибка советологии.....	36
ПРОБЛЕМЫ И СУЖДЕНИЯ	
О.Оффердал. Политика и проблемы организационного дизайна в местном самоуправлении.....	52
ВЕРСИЯ	
А.В. Олескин. Сетевые структуры общества с точки зрения биополитики.....	68
УНИВЕРСИТЕТСКОЕ СООБЩЕСТВО	
В.Я. Гельман. Региональная власть в современной России: институты, режимы и практики.....	87
Г.В. Голосов. Форматы партийных систем в новых демократиях: институциональные факторы неустойчивости и фрагментации.....	106
Ю.Д. Шевченко. Между экспрессией и рациональностью: об изучении электорального поведения в России.....	130
КАФЕДРА	
С.П. Перегудов. Новейшие тенденции в изучении отношений гражданского общества и государства.....	137
А.С. Макарычев. Стабильность и нестабильность при демократии: методологические подходы и оценки.....	149
И.К. Пантин, Т.В. Шмачкова. Основы политологии (Программа курса).....	158
ДИХ!	
Е.Н. Селезнева. Научные принципы или "принципиальная" конъюнктурность? (К проблеме методологии культурной политики).....	168
С.Л. Агаев, Ю.С. Оганисян. О концепции государственной политики РФ в отношении российской диаспоры (По материалам обсуждения в ИСПРАН).....	179
Содержание на английском языке.....	191

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ

С.А.Ушакин

От редакции. В этом году мы предполагаем опубликовать серию из трех статей С.А.Ушакина, которые в дискурсивном плане освещают основные подходы к изучению интеллигенции, принятые в современной политологии и социологии, при преимущественном внимании к такой кардинальной проблеме, как отношение “интеллигенция — власть”. Первая из них — перед читателем. В двух других речь пойдет о марксистском (от “традиционного” до “постмодернистского”) анализе интеллигенции и о теории “нового класса”.

Бесспорно, каждому хотелось бы считать себя “экспертом” и претендовать на привилегии по отношению к другим.

3. Фрейд (1)

Легко быть светилом для других, когда сам находишься в тени.

Р. Дебре (2, с. 18)

Как свидетельствует журнал “Тайм”, в 1995 г., в период крайне неудачных для Демократической партии США промежуточных выборов в конгресс, президент страны неоднократно срывался на крик при одной лишь мысли о своих политических консультантах, а однажды в Овальном кабинете Белого дома прозвучал вопрос: “Почему мы платим им так много, если мы добились столь малого?”(3).

Почти за двести лет до Клинтона то же сомнение в практической целесообразности интеллектуалов мучило и Наполеона Бонапарта. Связывая все неудачи Франции с деятельностью “идеологов”, Наполеон заметил как-то, что “эту банду тупиц, до глубины души верящих в свободу прессы, слова и силу общественного мнения, ...этих паразитов, облепивших мою шею, ...лучше всего было бы утопить в болоте” (цит. по: 4, с.189).

Как раз в период между этими двумя высказываниями — в последние пять-шесть десятилетий — и оформилась отрасль науки, получившая название *социологии интеллигенции*. Она стала не чем иным, как профессиональной попыткой самой интеллигенции создать при помощи доступных ей академических средств коллективную автобиографию. Однако обилие подходов и методов, используемых при ее написании, приводит к тому, что само понятие “*интеллигенция*” меняет содержание в зависимости от цели, которую преследует та или иная группа авторов.

Несмотря на разнообразие зачастую полностью не совпадающих точек зрения, многочисленные исследования по социологии интеллигенции, посвященные анализу взаимоотношений этой группы с другими социальными группами и институтами, все же могут быть сведены к трем основным теоретическим схемам. Самая традиционная из них — это, безусловно, попытка определить степень автономности политических интересов интеллигенции, наиболее отчетливо выраженная в *марксистском подходе* к распределению

УШАКИН Сергей Александрович, кандидат политических наук, Центрально-Европейский университет (Будапешт).

собственности и власти в обществе. В рамках *структурно-функционального метода* решающим фактором для понимания специфики интеллигенции выступает не столько ее роль в *распределении* ресурсов в обществе, сколько особенности ее участия в *производстве* материальных и символических ценностей, обусловленные структурной позицией, которую занимает интеллигенция в процессе общественного разделения труда. И, наконец, сравнительно недавно сформулированная *теория “нового класса”* увязывает социально-политическую специфику интеллигенции с характером и своеобразием ее дискурсивной, речевой, символической деятельности, перенося таким образом акцент со сферы социальной на сферу знаковую.

Вряд ли случайно, что, несмотря на принципиальные различия, во всех перечисленных подходах вопрос “интеллигенция и власть” так или иначе рассматривается в разрезе *политического участия* интеллигенции — или в рамках типично марксистского разбора форм “политического коллаборационизма” интеллигенции; или в виде попыток структурного функционализма обосновать претензии интеллигенции на социальный, политический и культурный элитизм высоким уровнем её профессионализма и компетенции; или как стремление сторонников дискурсивного анализа обнаружить скрытый “эпистемологический империализм” и “символическое господство” интеллигенции в используемых ею формах и способах производства знания. Сходство проблематики, повторяю, вряд ли случайно и обусловлено не только стремлением интеллигенции использовать уже существующие институты и механизмы власти для распространения присущих ей корпоративных ценностей. Помимо чисто технической роли, властные институты, на мой взгляд, имеют для интеллигенции онтологическое значение, выступая своего рода “нулевым меридианом”, по отношению к которому и определяются ее социальные координаты.

В данной статье речь пойдет лишь об одной форме такой “политической картографии”, а именно: о попытках определить тенденцию политического развития интеллигенции с точки зрения структурно-функционального подхода.

В ПОИСКАХ ФУНКЦИИ

В конце 50-х годов нынешнего века американская социология (как и общество в целом) переживала процесс активного внутреннего структурирования. Социология, завезенная приверженцами франкфуртской школы, начала тогда в США самостоятельно развиваться, не утратив, однако, семейного сходства с европейскими “родственниками”. Одним из результатов такого развития и стала “*социология интеллигенции*”, дополненная позднее “*социологией молодежи*”. Интересно проследить трансформацию заимствованных теоретических концепций: в отличие от континентальной теоретической социологии, озабоченной не столько проблематикой конкретных групп и группировок, сколько вопросами социологических законов и процессов, прагматизм и индивидуализм прикладного знания Нового Света выразились в стремлении дать предельно полную таксономию “субъектов” социального действия. Иными словами, “главными” социологическими вопросами на данном этапе стали не традиционные “*Зачем?*” и “*Почему?*”, а “*Кто?*” и “*Как?*”. В итоге, благодаря работам Т.Парсонса, С.Липсета, Э.Шилза, Р.Мертсона, Л.Козера и др., социология религии и политики М.Вебера и социология знания К.Мангейма превратились в социологию *интеллигенции*. Абстрактные понятия нашли своё конкретное воплощение. Функция обрела исполнителя, вернее, группу исполнителей. Границы теоретического поля, таким образом, были установлены.

В 1954 г. в статье “*Общественное мнение и интеллектуаль*” Фр. Вильсон сделал одну из самых первых попыток сформировать новую научную

дисциплину. Призвав к созданию социологии интеллигенции*, он определил эту социальную категорию следующим образом:

“Интеллектуалы как группа характеризуются особым образованием и функцией. Они собирают информацию и, исходя из логики своего профессионального статуса, используют её для оценки окружающего их мира” (5).

Таким образом, было установлено как минимум два критерия принадлежности к интеллигенции: способность обеспечить себе бесперебойный доступ к источникам знания и возможность открыто демонстрировать наличие подобного рода доступа в самых разнообразных формах — от публичных лекций до инвектив в СМИ. Вопрос, естественно, в том, чем именно владение знанием (или информацией) отличается от традиционных форм собственности, и почему именно знание становится основой иной, оппозиционной, как правило, системы ценностей?

Т. Парсонс, социолог, переводчик и активный интерпретатор М. Вебера, попытался ответить на этот вопрос, отталкиваясь от тезиса об *“аналитической независимости”* социальной и культурной систем друг от друга. По определению Парсонса, “социальные системы образуются как результат неизбежного взаимодействия” существующих в обществе групп и индивидов, тогда как “культурные системы складываются в ходе воспроизводства смысла в пределах символических систем” (6, с.3). Проблема возникает в процессе “взаимодействия” этих двух систем, поскольку, по Парсонсу, особенностью символических систем является их в значительной степени *“нормативный”* характер, ориентация на анализ и оценку действительности не с позиций *фактически* случившегося, но с позиций того, что *должно было бы* произойти в соответствии с определенной схемой.

Эта концепция изначальной разнородности социальных и культурных систем позволила Парсонсу по-своему объяснить и причину конфликта, возникающего между властью и интеллектуалами. В основе этого конфликта лежат разные принципы иерархизации действительности и обретения социального статуса. Оппозициями для Парсонса здесь выступают, с одной стороны, *“собственность”* и ее наследование, персонифицирующиеся в аристократии и воплощающиеся в той системе властных институтов, которые она несет с собой, а с другой, — *“компетенция”*, как правило, ничем социально не обусловленная (6, с.13). В итоге, на аксиологическом уровне ценности аристократии определяются как безусловно *“лучшие”*, а ценности интеллектуалов — как *“высшие”* (6, с.14).

Сложившееся “разделение труда” и несмешивание иерархий позволяли социальному миру функционировать довольно стабильно в течение относительно длительного периода. Вместе с тем отсутствие статусной преемственности в среде интеллигенции с неизбежностью вылилось в попытки оформить более или менее устойчивый ритуал “передачи” знаний как вида собственности. Поэтому закономерными условиями существования интеллектуалов как группы стали появление и институционализация “аудитории”, “общественности”, “последователей” и, таким образом, наследников. В свою очередь, социальный статус “аудитории” естественным образом модифицировал и сам тип интеллектуала. Результатом этой социальной стратификации, основанной на монополизации гносеологической и герменевтической функций, и стало появление двух типов интеллектуалов. Интеллектуалы-эксперты — вернее, *“эксперты с ограниченной ответственностью”* — стали обслуживать интересы власти, в то время как *“интеллектуальные идеологи”* искали поддержку в народных массах. Остановимся подробнее на анализе этих двух типов.

* Несмотря на довольно устойчивую традицию различения “интеллигенции” и “интеллектуалов”, здесь и далее я буду использовать эти термины как взаимозаменяемые и описывающие один и тот же феномен — группу лиц, занятую в процессе символического производства.

ЭКСПЕРТЫ С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

Понятие *“экспертиза”* традиционно связывается с понятием *“независимость”* и, безусловно, несет мистический отпечаток практики толкования событий (текстов, снов и т.п.) человеком, не имеющим непосредственного к ним отношения, но умеющим выстроить на их основе параллельную смысловую структуру. Не случайно *“институционализация знания”* (соответственно, и “экспертов”) становится главной проблемой социологии данной группы. Используя терминологию Парсонса, ключевой исследовательский вопрос здесь может быть сформулирован так: “В какой степени влияет на характер “профессиональной компетенции” экспертов их структурная принадлежность к властным институтам?” Многочисленные исторические примеры позволяют ответить на него недвусмысленно.

Например, Ф. Рав, известный американский критик 1960-70-х годов, определял процесс активного вовлечения интеллектуалов в бизнес-структуры (особенно усилившийся в США в результате общего экономического роста и бума образовательной индустрии в 1960-е годы) как тенденцию *“обуржуазивания”*, противоречащую глубоко индивидуальному и неангажированному творчеству интеллектуалов (7).

О сходном явлении в мире науки писал и американский социолог Дж. Неттл: почти двухсотлетний период господства эмпиризма и утилитаризма в английской философии имел немало общего с созданием в 1660-63-х годах — сразу после Реставрации — Королевского научного общества. Потенциально *“революционизирующая”* профессия, — отмечает он, — “была именно таким образом вытолкнута на орбиту научного партикуляризма и академической институциональности” (8).

Можно назвать и другие случаи использования “седативного” эффекта институционализации. Например, в 30-х годах прошлого века в Австрии было принято следующее правительственное решение по поводу юридических факультетов университетов:

“Правительство, имея в виду в учреждении учебных заведений единственно пользу службы, полагает полезным политические науки, основанные большей частью на умствованиях, соединять с науками положительными, каковы юридические, а не оставлять их в близости наукам отвлеченным, философским, где они рождают нередко новые теории устройства и управления государством” (9).

Современный шведский социолог Р. Йерман, сравнивая типологическое развитие европейской, российской и американской интеллигенции, отмечает, что в Германии и Скандинавии “альтернативные средства политической социализации использовались более открыто, и движение интеллектуалов носило более организованный характер и, таким образом, — резко контрастируя с ленинским пониманием этого термина — было гораздо профессиональнее. Интеллектуал являлся скорее практиком умственного труда, чем профессиональным революционером” (10). Примерно то же самое происходило и после победы Социал-демократической партии Швеции на парламентских выборах 1932 г., когда ее руководство было вынуждено искать организационные формы своего авангардизма, находясь уже не в оппозиции, а у власти. В данном случае такой формой стало расширение государственных функций и создание “нового общественного сектора”. Можно по-разному оценивать результаты этатистской экспансии, но нельзя не признать снятие остроты конфликта между интеллектуалами и государством (*там же*).

Очевидно, что участие интеллектуалов в политике неизбежно отражается на характере их профессионального труда. Выделю два уровня, или аспекта, этого “влияния”. Первый связан с характером знания экспертов, вовлеченных в процесс принятия политических решений. Иными словами, речь идет о *структурных особенностях* конкретного знания, используемого в качестве

продукта “экспертизы”. Второй — задан характером деятельности, т.е. *структурой социальной среды*, в которую интеллектуалу нужно “вписаться”. Рассмотрим обе отмеченные стороны.

Р.Мертон в работе “Социальная теория и социальная структура” в качестве основных свойств интеллектуального продукта специалистов в области общественных отношений* выделил *неопределенность* и *слабую верифицируемость* их прогнозов и предложений (11, с.264). Эта амбивалентность “научной экспертизы” позволяет проявиться ряду структурных последствий:

— вероятностный характер предлагаемых прогнозов и альтернатив вызывает, с одной стороны, скептицизм, двойственность и, как следствие, недоверие к разного рода социальным проектам со стороны потребителей-политиков. С другой — высокая степень неопределенности порождает необоснованные ожидания и веру во всемогущество и универсальность предлагаемых методов;

— невозможность незамедлительной проверки предлагаемых схем, наряду с обилием факторов, способных изменить или значительно повлиять на характер результатов, могут привести к тому, что Мертон определяет как “разрыв”, несоответствие между общественным статусом эксперта в социальной/политической иерархии и уровнем его компетенции. Иначе говоря, “ожидаемая непредсказуемость” результатов способна в значительной степени маскировать реальный уровень “профессионализма”;

— неопределенность “социального” знания способствует и развитию тенденции к усилению зависимости заказчика-политика от конкретного эксперта в вопросах подбора новых советников по тем или иным проблемам. Это создает почву для формирования “клик советников”. “Межличностные связи среди интеллектуалов, — пишет Мертон, — часто являются способом установления замкнутых клик, по крайней мере, в среде наиболее важных советников” (11, с.264);

— наконец, стохастичность предлагаемых социальных решений вместе с их выраженной ценностной окраской, неизбежной в сфере межличностных отношений, способствуют тому, что институт экспертов становится наиболее уязвимой мишенью для конкурирующих политических группировок, чем во многом и объясняется частая смена интеллектуальной “моды” некоторыми политическими деятелями. При этом требования отстранения того или иного эксперта в силу его “профессиональной непригодности”, как правило, скрывают неизбежное стремление к замене одной “клики советников” на другую, более соответствующую интересам доминирующей или восходящей политической группы.

Таким образом, непосредственным — и закономерным — результатом “относительности” и “нестабильности” социального знания является неустойчивое положение носителя этого знания. Дополнительные ограничения на деятельность эксперта накладывает и характер политических институтов — заказчиков “интеллектуального” продукта. С чем связаны эти ограничения?

Прежде всего, изменяется характер требований, предъявляемых к способностям эксперта; мерилем значимости его труда становится не соответствие предлагаемых им схем теоретическим моделям и стандартам, принятым в академическом сообществе, а результативность в смысле конкретных практических потребностей. Иными словами, политические и бюрократические рамки, изначально ограничивающие интеллектуальную деятельность эксперта, в конечном счете и задают возможные варианты его ответов. Отношения между политиком и экспертом складываются по формуле: “политик предла-

* Понятно, что в процессе выработки и принятия политических решений первостепенную роль играют специалисты именно этого профиля. Использование специалистов “точных наук” носит несколько иной характер и определяется в большей степени экспериментальной стороной их деятельности.

гает цели (средства, условия реализации)”, а эксперты “на основе своих знаний указывают альтернативные способы достижения этих целей” (11, с.267). Такая система зависимости определяет возможные пути эволюции интеллектуалов, вовлеченных в орбиту политических отношений. Одним из них может быть рост профессионализма предлагаемой экспертизы при функциональном подчинении существующей иерархии властных отношений (12; см. также: 13) — тенденция, проявляющаяся в стремлении сформировать некую касту, институт социотехников, политически неангажированных, но профессионально совершенных*. Поскольку, как правило, определение целей, средств и условий реализации их схем, а также моральная оценка последствий этой реализации выходят за рамки экспертизы, то побочный эффект роста профессионального уровня — высокая интеллектуальная, и, соответственно, моральная пластичность эксперта**. Пластичность эта обусловлена тем, что вопрос о личной ответственности эксперта за *реализацию* его предложений вынесен за рамки его “функциональных обязанностей” и заменен бюрократической ответственностью за подготовленное *решение*, что, безусловно, не совсем то же самое.

Хорошим примером активного использования интеллигенции в политических целях может служить Новый курс в США, сопровождавшийся мощным притоком молодых интеллектуальных сил в правительственные структуры***. Л.Козер в монографии “Люди идеи” описывает этот процесс так: появлению на политической сцене сотен молодых экономистов из Гарвардского и Колумбийского университетов, сельскохозяйственных экспертов из Корнеллского, финансистов, социальных работников, социологов и политологов из этих и других научных центров предшествовало создание “мозгового треста” из трех блестящих молодых интеллектуалов Колумбийского университета — Р. Моли, Р. Тагвелла и А. Бёрля (22).

Использование интеллектуалов было целенаправленным — политики “встраивали” их в уже сложившуюся систему, что позволяло избежать возможных конфликтов между различными поколениями бюрократической элиты. В этом отношении показательна судьба и самого “мозгового треста”. При его шумной славе обычно не вспоминают, что “трест” как единый коллектив прекратил свое существование сразу же после избрания Рузвельта на пост президента. Одной из причин этого было стремление избежать ненужной конкуренции между политико-бюрократическими институтами. Сходная ситуация складывалась и в остальных властных структурах. Основные мини-

* В 1922 г. М.А.Рейснер прямо назвал интеллигенцию “техниками социальной организации”, обслуживающими “классовое общество путем доставления ему необходимых идеологических и культурных ценностей” (14); К.Поппер в книге “Открытое общество и его враги” говорит о том же, но уже скорее с методологических позиций: “Необходима такая социальная технология, достижения которой могут быть проверены с помощью постепенной или поэтапной инженерии” (15). (Подробнее о роли интеллектуалов в формировании “социальных технологий” см.: 16.)

** Комментарий С. Шахрая по поводу роли помощников Президента России во время встречи в Беловежской пуще в 1991 г. довольно четко отражает данную тенденцию. Документ о роспуске Советского Союза изначально ничего, кроме идеи о роспуске, не содержал. Задачей интеллектуалов стал поиск приемлемой “теоретической базы”. Как пишет Шахрай, “нам нужно было родить документ с политическим решением трех лидеров, но непонятно, с какой формой этого решения” (17). (Об этических дилеммах политической экспертизы как таковой см.: 18; 19.)

*** Существует немало апокрифов о том, как именно произошел этот “интеллектуальный” поворот Франклина Д.Рузвельта. В одном из них решающая роль отводится его советнику — С. Розенману. Согласно этой версии, в какой-то мартовский день 1932 г., обдумывая после обеда планы президентской кампании, Рузвельт и Розенман стали обсуждать возможный список советников. Заметив, что традиционные советники кандидатов в президенты — представители бизнеса, профсоюзов и политических партий — полностью дискредитировали себя, Розенман предложил: “Может, для разнообразия, попробуем университеты?” (см.: 20, с.5). Все-таки не стоит преувеличивать значение подобного стремления сделать политику “более” интеллектуальной — Р.Моли, сформировавший и возглавивший “мозговой трест”, отмечал, что за все время своей работы он не видел ни разу, чтобы Рузвельт держал в руках “серьезную книгу” (см.: 21).

стерства и ведомства — бюро по бюджету, министерство финансов, федеральный совет по резервам, министерство торговли — находились в руках старых проверенных консерваторов. Новички вошли в состав комиссий и заняли правительственные посты, созданные впервые. Г.Гопкинс был назначен федеральным администратором по социальной помощи, Национальную комиссию по здравоохранению укрепили молодым юристом Д.Рисбергом. Целая группа выпускников Йельской и Гарвардской школ права была направлена в министерство сельского хозяйства (23).

Общим правилом, отмечает Козер, было то, что новые люди концентрировались не в законодательных, а в исполнительных органах, и только немногие из них заняли действительно важные посты в управленческой структуре. Будучи в основном “исследователями и советниками, они предлагали инструкции и изобретали схемы, применяли которые уже более старшие и опытные администраторы” (4, с.183). Интеллектуалы считали себя “идеоменами”, т.е. людьми идей, способными трансформировать аппараты власти изнутри*. Что касается самих схем, то и здесь “академической свободе” экспертов был задан предел. Как пишет Э. Линдли, “рекрутируя в качестве своих советников профессуру, Рузвельт вовсе не стремился услышать от них иную точку зрения. Он приглашал их именно потому, что его позиция и позиция советников оказывались сходными” (цит. по: 20, с.13).

Особенностью и, видимо, причиной относительного успеха интеллектуалов Нового курса был их общий генерационный опыт, то единственное, что их объединяло, — практически все они были из поколения 1895-1905 гг. рождения. Это и обусловило известную целостность их взглядов на мир и на способы решения появившихся проблем. Действуя индивидуально, не ограничивая себя какими бы то ни было партийными или метапартийными структурами, они не создали в период своей работы единую, когерентную “программу реформ”, которая отражала бы систему их убеждений. Интеллектуалы решали определенные проблемы, возникавшие в конкретных министерствах и ведомствах. Р. Моли так описывал деятельность “мозгового треста”:

“Она вовсе не была методичной. Единственным постоянным правилом было лишь то, что я являлся связующим звеном между советниками и Рузвельтом. Единственной формой готовых сценариев были только мои ежедневные доклады, сообщавшие Рузвельту о том, кто чем занят и когда очередной документ будет готов. Однако по какой-то причине работа ладилась. А остальное нас не заботило” (20, с.41).

Усиленное вовлечение интеллектуалов в процесс подготовки и принятия политических решений, обусловленное требованиями эффективности, т.е. учета максимально возможного числа факторов и интересов при минимуме затрат, не могло не вести к умножению числа внутривидовых связей, а вместе с этим — и к росту зависимости от взаимных обязательств, ограничивающих интеллектуальную свободу. В итоге “большинство пришедших в Вашингтон покинуло его разочарованными” (4, с.185). Деятельность американских интеллектуалов в 1930-е годы подтвердила старое правило: “Роль человека власти и роль интеллектуала не могут быть успешно совмещены, ...для того чтобы действовать на равных среди тех, кто наделен властью, — либо в качестве собственно политика, либо в качестве компетентного эксперта, — необходимо принести в жертву интеллект” (4, с.186). Этот вывод Козера подтверждается и более поздним примером — судьбой деятелей администрации

* Любопытно, что примерно такими же словами описывал в своем интервью работу помощников Президента России и Г.Сатаров: “Фактически получилось, что основная функция — генерация идей — перешла в службу помощников, а структура администрации подключилась к их выполнению” (24). Показательно и другое сходство: по мнению советников, администрации должна быть отведена исключительно *техническая* роль — заблуждение, стойчившее в свое время Р.Моли политической карьеры.

Дж.Кеннеди. Большинство представителей ее “интеллектуального запаса” постепенно, так или иначе, были отстранены от политического процесса — Ч.Боулс отправлен послом в одну из африканских стран, Дж.Гэлбрейт — в Индию (затем он вернулся в Гарвард), Дж.Кеннан после дипломатической работы в Югославии ушел в Институт углубленных исследований, А.Шлезингер стал спичрайтером (4, с.324).

На мой взгляд, эти примеры свидетельствуют не только о структурном конфликте между логикой научного поиска и логикой политической деятельности, несоответствия и нестыковки между которыми являются исходными предпосылками построений Мертсона, Парсонса или Козера. Приведенные примеры наглядно демонстрируют еще один аспект отношений между властью и интеллектом как отношений между сферами, хотя и имеющими разные институциональные основы, но тем не менее конкурирующими друг с другом. Одна из этих сфер базируется на монопольном праве создавать с помощью знаковых систем картину реальности (“осмысливать реальность”), а следовательно, и формировать саму реальность. Другая также стремится формировать реальность, но уже отнюдь не символическими средствами (“осуществлять политический процесс”).

Участие интеллектуалов-экспертов в политическом процессе ведет к смешению этих иерархий, что имеет двойные последствия. В случае, когда “*логоцентризм*” становится принципом политической практики, сама политическая деятельность оценивается с позиций ее соответствия определенным программам и теориям*. При другом варианте — возникает проблема политической обусловленности экспертизы, призванной, по определению, быть внешнеэкономической, независимой. Именно поэтому слова У. Липпмана, сказанные им во время пика Нового курса об университетских профессорах, участвовавших в подготовке политических и административных решений, актуальны и сегодня:

“Лишь то знание поистине беспристрастно, что получено в результате свободных поисков. Становясь политиками или членами администраций, выходя в руководители или лидеры политических группировок, те, кто призван учить и учиться, идут на неизбежный компромисс. В их словах отныне нет беспристрастности. В их исследованиях отныне нет подлинной науки. Соединить приверженность знаниям с осуществлением политической власти невозможно. И тот, кто пытался добиться этого, оказывался либо плохим политиком, либо плохим ученым” (цит. по: 27).

Подведу предварительный итог. Структурный анализ интеллигенции как группы, призванной осуществлять “экспертную” функцию в обществе, интересен прежде всего своей попыткой определить закономерности развития сообщества, формирующегося вокруг гносеологической функции. Характерно, что при этом остается в тени вопрос о сути самой гносеологической функции, о ее месте в ряду других социальных функций и институтов, а также о ее роли в политическом процессе. Отрывая “орган” от “функции”, сторонники данного подхода делают неочевидным тот факт, что и сама “воля к знанию” есть лишь разновидность “воли к власти”, что в основе примата “компетенции” лежит не столько иная иерархия ценностей, сколько непре-

* Например, Г.Бурбулис в 1993 г. так определял сущностную разницу в политическом поведении Р.Хасбулатова и Б.Ельцина: “Хасбулатов — не человек идеи. Он выступает в роли “деструктора”, который может держаться на плаву, лишь сталкивая разные политические силы и выступая постоянным арбитром”. В противовес ему Ельцин есть “человек определенной государственно-стратегической линии” (25). На это можно заметить лишь одно: строгая последовательность действий в данном случае есть экстраполяция логики научного эксперимента на социальный процесс, позволяющая — в соответствии с мерой приверженности данной “последовательности” — абстрагироваться от все большего числа факторов, социальных групп и интересов, в данную схему не вписывающихся. О том же, что “демократическая свобода не так совершенна во всех своих проявлениях, как разумный диктатор”, известно, по меньшей мере, еще со времен Токвиля (26).

одолимое желание оказаться наверху уже существующей *властной* иерархии. Желание, для достижения которого обладание знанием столь же функционально, сколько и обладание собственностью*.

“ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЕ ИДЕОЛОГИ”

Если претензии *экспертов с ограниченной ответственностью* на особое положение в обществе определяются (якобы) “объективностью”, “независимостью” и “беспристрастностью” того знания, которым они владеют, то претензии *интеллигентных идеологов* имеют несколько иную основу. Данный тип интеллектуалов апеллирует к “универсальности” и “всеобщему” характеру *культурных и моральных ценностей*, хранителями и проповедниками которых они выступают и в максимально широком распространении которых они заинтересованы. Для понимания специфики интеллектуалов этого типа нужна попытка определения исходных предпосылок идеологии как таковой.

Напомню, что сам термин “*идеология*” был предложен в 1802 г. А.Дестют де Траси — французским философом и (в течение определенного времени) другом Наполеона. Термин предназначался для обозначения научной дисциплины, имеющей своей целью наблюдение и описание действий человеческого мозга строго эмпирическим путем (см.: 29). В своем “*Трактате о политической экономии*” де Траси характеризовал “идеологию” как “всеобщую грамматику, или анализ понимания” (30, с.1-2). Как предполагалось, “идейные комплексы” всегда могут быть сведены к их “чувственным” первоосновам, и, следовательно, возможно создание такой научной дисциплины, которая, изучая чувственные основания идей, позволила бы устанавливать истинность суждений и избегать ошибок**. Иными словами, открывался бы доступ к самому смыслопорождающему механизму и, возможно, к управлению им.

Рассуждения де Траси, однако, интересны не столько выводами, сколько общей установкой, а именно: тезисом о том, что возникновение идей должно быть объяснено. И хотя опытное, чувственное происхождение идей для этого философа очевидно, *собственно* опыта и чувств для объяснения идей недостаточно. Необходимы соответствующая наука и соответствующие “ученые”, способные истолковать людям значение их же собственного опыта. Таким образом, происходит первоначально отчуждение, а затем и монополизация герменевтической функции теми, кто овладел принципами “идеологии”***.

Несмотря на почти полное забвение имени де Траси, концепция его “идеологии” в значительной степени актуальна и сегодня. Во многом это обусловлено функцией, которую выполняют идеологические механизмы, т.е. функцией “снятия” противоречий, возникающих у индивида при соотношении результатов непосредственного восприятия реальности с уже сформированным представлением об этой реальности****. Понятно, что и первичные представления, сформированные у индивида, и те системы идеологических

* На примере американского проекта по созданию атомной бомбы (“Манхэттен”) В. Арни наглядно показал, как именно претензии на “развитие научного знания” оказались тесно переплетены с административными амбициями и финансовыми интересами конкретных экспертов, заинтересованных в предельной деперсонализации как “продукта” своей деятельности, так и, разумеется, ответственности за него, но отнюдь не процесса его получения или форм его оплаты (см.: 28).

** Как писал де Траси в “*Элементах идеологии, или Трактате о воле и ее эффектах*”, “в самом широком своем значении слова “*восприятие*” и “*идея*” могут считаться синонимами, ...поскольку все наши мысли суть явления осязательные, прочувствованные. И если бы мы их не ощущали, они бы не существовали вовсе” (30, с. 39).

*** Философский анализ концепции идеологии см.: 31.

**** См. подробнее о психологическом аспекте идеологии: 32.

подпорок, к которым ему приходится обращаться в стрессовых и кризисных ситуациях, как правило, не являются результатом свободного выбора. В основном они определены теми, кто призван выполнять идеологическую функцию в обществе. Говоря словами Э.Шилза, “посредством церковных служб, школьных уроков и литературных текстов интеллектуалы прививают тем слоям населения, которые ни по своему призванию, ни по своему происхождению не связаны с интеллектуальной деятельностью, ту особую чувствительность и воображение, которые невозможно развить самостоятельно” (33). Примечательно, что в результате такой “идеологической прививки” приданная “чувствительность”, равно как и набор “образов” и их интерпретаций, преподносятся и воспринимаются в качестве естественных, реально существующих, истинных*.

Социологический и политический аспекты этого идеологического воздействия состоят в том, что оно неизбежно отражает либо характер и интересы властных отношений конкретных политических структур (выступая в данном случае в той или иной форме пропаганды), либо представляет собой трансформированное выражение иной социальной иерархии, вершину которой и занимает группа, производящая данные идеологические символы (35). И в том, и в другом случае значение этих идеологических воздействий можно определить прежде всего по характеру последующей деятельности объектов “идеологической атаки”**.

В качестве одного из примеров приведу некоторые материалы дискуссий в дореволюционной России о роли и сущности отечественной интеллигенции. Показательно, что центральной для полемики была проблема социальных границ интеллигенции. С одной стороны, делались постоянные попытки установить некое “формообразующее” начало, отделяющее и выделяющее интеллигенцию из общего социума. В то же время этот процесс сопровождался созданием круга отношений/оппозиций — *контекста*, в котором “вращалась” интеллигенция и где проявлялась ее специфика. Отсюда — возникновение устойчивых пар: “*интеллигенция — мещанство*”, “*интеллигенция — народ*”, “*интеллигенция — общество*” и, естественно, “*интеллигенция — власть*”.

На мой взгляд, все это отражало стремление интеллектуальных кругов институционализировать себя не просто (и не столько) как культурную автономию, а как некую социально-политическую общность, в итоге претендующую и на определенное место в системе властных отношений. В условиях ограниченности, авторитарности политических институтов подобного рода претензии на политическую “*инородность*” приняли в основном форму литературной — то есть эстетической и моральной — критики существующего строя***.

И.Кольцов, например, единственным объединяющим элементом или принципом, конституирующим интеллигенцию как социальную группу, счи-

* Ж.П. Бодрийяр хорошо показал последовательность развития идей, или образов, призванных “объяснить” или “отобразить” реальность: (1) сначала образ (*image*) отражает существующую реальность; (2) затем он маскирует и извращает ее; (3) на следующей стадии образ/идея вуалирует отсутствие всякой связи с существующей реальностью; (4) и, наконец, образ/идея не имеет никакого отношения к какой бы то ни было реальности вообще, превращаясь в *симулякр*, копию копии, у которой нет оригинала (см.: 34).

** Эту тенденцию четко выразил в своей теореме американский социолог У.Томас: “Если люди считают, что те или иные обстоятельства реально существуют, то эти обстоятельства действительно производят реальный эффект на всю последующую деятельность этих людей.” (цит. по: 11, с.475).

*** Интересно, что динамика формирования интеллигенции была абсолютно иной, например, в Англии, где “литературные круги” рассматривали себя не как нечто внешнее по отношению к своей аудитории — читателям и/или критикам, но как ее неотъемлемую часть. Влиятельный британский журнал “*Spectator*”, являвшийся центром, вокруг которого и группировались “литературные круги”, так писал в 1831 г.: “Журналистика есть не что иное, как выражение общественного мнения. Газета, которая вдруг решит диктовать свои вкусы обществу, обречена” (цит. по: 36).

тал собственно *идею*. Он писал в 1882 г. в статье с показательным заголовком “В защиту интеллигенции”:

“Своего, действительно общего, отличительного и объединяющего, у интеллигенции нет ничего, кроме известного нравственного настроения, идеи, а затем и соответствующей деятельности <...> Как голод побуждает человека к работе, к эмиграции, к разбою, так точно этот нравственный голод порождает современного интеллигентного подвижника. Он — логический и неизбежный результат современного состояния русского общества. <...> Жизнь с ее неправдою, поруганием идеалов фанатизирует нравственное чувство отдельных личностей и неудержимо гонит их к отысканию способов восстановить нарушенное равновесие, осуществить правду совести в действительной жизни” (37, с.16, 21).

Дальнейшее развитие этого “нравственного чувства” идет по схеме Бодрийяра. Субъективные ценности, рожденные вполне конкретной ситуацией, сначала экстраполируются на более широкие группы, а затем отождествляются с понятиями, не имеющими четко выраженного субъективного (классового, национального и т.п.) фундамента, превращаясь тем самым в ценности “универсальные”, “нейтральные” и “абсолютные”, выступающие в общественном мнении в качестве “общепринятых”.

Концепция “критической личности”, активно разрабатывавшаяся П.Лавровым, отчетливо демонстрирует подобную эволюцию. “Народный дух, — писал он, — в данную эпоху есть дух критически мыслящих личностей данной эпохи, понимающих и желающих внести в его настоящее возможно больше истины и справедливости <...> Личности, выработавшие в себе критическую мысль, приобрели тем самым *право* быть деятелями прогресса, право бороться с отжившими общественными формами” (38, с. 252, 261). Показательно *уравнивание* “народного духа” с “духом критических личностей”, чьей единственной заслугой является способность публично “озвучить” собственную несовместимость с тем или иным порядком вещей. Важен и другой момент — выступая в качестве оппозиции по отношению к *status quo*, интеллектуалы-идеологи вновь и вновь втягиваются в ту же спираль противоречий между различными способами изменения реальности, что и интеллектуалы-эксперты. Иными словами, проблема отношения к власти опять-таки становится определяющей для социального статуса данной группы. Характеризуя сходную ситуацию в среде французских интеллектуалов, Р.Дебре, историк, политолог и советник Ф. Миттерана, заметил, что критика “общественных нравов” является, безусловно, политическим действием, поскольку заключается в руководстве людьми с целью изменить то направление их развития, представление о котором они получили независимо от интеллигенции. “Становясь властителями (*directoire*) общественного мнения, интеллигенция вступает в конкуренцию с другими политическими силами, вне зависимости от того, насколько аполитичной она хотела бы оставаться” (2, с.129).

Тезис о “критичности интеллигенции”, использованный Лавровым и его многочисленными последователями, отражает приверженность интеллектуалов некоему высшему идеалу — знанию, с помощью которого формируется их отношение к реальности и определяется их линия поведения в обществе. Но как писал Р.Барт, “критике предшествует оценка” (39, с.400) — раз критика, по определению, есть соотнесение *конкретного* факта с идеалом, носящим *нормативный* характер, т.е. не имеющим аналога в “реальной” жизни, то и цель критики — вовсе не в преодолении антагонизма между “нормативным” идеалом и “наличествующей” реальностью. Задача критики — в постоянном выявлении, *обнаружении* подобного несовпадения, благодаря которому становится возможным и само существование “идеала”.

Что касается особенностей литературной и эстетической критики, то здесь мне представляются важными два обстоятельства. Во-первых, эстетика как способ анализа художественной реальности связана больше с эффектами, которые производит данная реальность, чем с ее “действительным”, “интенциональным” значением/смыслом. При таком подходе первостепенным становится не столько контакт между “публикой” и “объектом искусства”, сколько сам процесс коммуникации между критиком и объектом критики, говоря иначе, — способность объекта вызывать у критика определенные ассоциации (или соответствовать уже сформированным)*. Поэтому ценность художественного (социального, политического) “объекта” нередко определяется характером критических отзывов о нем и зависит скорее от уровня развития критика, чем от природы самого артефакта.

Во-вторых, эстетическая теория, связывая воедино литературу, эпистемологию и этику, позволяет довольно легко переходить от собственно литературы к “ее видимым продолжениям в сферах самопознания, религии или политики” (31, с.11, 25)** . В том случае, если подобного рода “идеальный” — в кольцовском смысле этого слова — тип критики становится принципом политической практики, в действие вступают механизмы, отвечающие требованиям целесообразности и эффективности. А поскольку основной критический прием — метод вербального анализа, то понятно, что он (как и весь набор ценностей данного рода) предстает безусловно “высшим”, верховным в системах общественных иерархий в силу “естественного” порядка вещей. Внешне “отвлеченный” и “аполитичный” характер эстетической критики, однако, не должен скрывать ее идеологической природы, ее тесной связи с теми социальными, экономическими и политическими механизмами, благодаря которым и стало возможно появление тех или иных “эстетических” ценностей (см.: 43, с.20-21).

Приведу два полярных примера, отражающих традицию, в контексте которой само знание и — более широко — культура выступают как высшие проявления человеческого духа, а их творцы и носители, соответственно, занимают ключевые позиции в обществе, вернее, над обществом.

На мой взгляд, подобного рода взаимосвязь “культура-власть-массы” очевидна в многочисленных речах и посланиях А.Гитлера, посвященных вопросам культуры и искусства. Исходя из того, что “народы существуют лишь до тех пор, пока существует их культура” (44, с.573), Гитлер делает логическое заключение о соотношении значимости “повседневной жизни” и “высших человеческих достижений”:

“Мелочные потребности повседневной жизни менялись и будут меняться вечно. Великие свидетельства человеческой культуры, запечатленные в граните и мраморе, остаются неизменными на протяжении веков. Они — единственный стержень стабильности в водовороте событий. Во времена своего упадка именно в них человечество искало и находило освежающий источник, дающий вечную и магическую силу... для восстановления нового порядка из хаоса бытия. Поэтому те здания, которые мы строим сегодня, должны соответствовать не 1940-му, и даже не 2000-му году. Подобно соборам, построенным нашими предками, эти здания должны стоять в веках” (44, с.593-594).

* М. Бахтин так определял природу критики данного рода: “Эстетический анализ непосредственно должен быть направлен не на произведение в его чувственной и только познанием упорядоченной данности, а на то, чем является произведение для направленной на него эстетической деятельности художника и созерцателя” (40).

** Й.Шумпетер приводит конкретные примеры того, как именно литературная критика может выступать в качестве эвфемизма критики политической. Гуманисты эпохи Возрождения, бывшие преимущественно филологами, “быстро освоили и сферу нравов, политики, религии и философии... От критики текста до критики общества путь гораздо короче, чем это кажется” (42).

Такая риторика примечательна не только тем, что, согласно ей, культура вообще, и архитектура в частности (см. об этом подробнее: 45) были призваны, как считал Гитлер, “излечить комплекс неполноценности немецкого народа” (44, с.603). Показательно, как происходит типичная риторическая подмена: одна из форм человеческой деятельности вдруг начинает выступать всеобщим критерием, конечной “целью”, призванной придать смысл всему процессу существования. Возведенное в ранг абсолюта, искусство в итоге превращается в

“видимую демонстрацию высших человеческих ценностей, которые, как показывает исторический опыт, и спустя тысячелетия остаются неразрушимым свидетельством не только величия народа, но и в то же время свидетельством самого морального права людей на жизнь” (44, с.573).

Понятно, что когда речь идет о сохранении “свидетельств величия народа”, вопрос о “существовании народа” второстепенен.

Парадоксально, но подобного же рода абсолютизация “особенного”, равно как и попытка распространить логику конкретного вида деятельности на все остальные сферы жизни были характерны и для Максима Горького. Но если для фюрера искусство являлось средством борьбы с “мелочностью и ничемностью повседневной жизни”, то у писателя рациональная социальная практика была способом преодоления “несовершенства природных процессов”. “Комплекс неполноценности” в данном случае носит не социально-политический, а скорее онтологический характер. Отсюда и масштаб задач, которые Горький ставит перед “молодым Союзом Советов”. В 1931 г. процессы, происходившие в стране, он описывал таким образом:

“В Советском Союзе происходит борьба разумно организованной воли трудовых масс против стихийных сил природы, против той стихийности в человеке, которая, по существу, есть не что иное, как инстинктивный анархизм личности, воспитанный веками давлением на нее со стороны классового государства” (46, т.26, с.20).

В статье с характерным названием “О борьбе с природой” этот подход сформулирован более лаконично: “Слепое стремление природы к размножению на земле всякой бесполезной и определенно вредной дряни, — это стремление должно быть остановлено, вычеркнуто из жизни” (46, т. 26, с.198). Если следовать данной логике, то конкретные судьбы конкретных людей приобретают смысл постольку, поскольку они участвуют в бесконечной “борьбе с природой”:

“Наши грандиозно смелые предприятия, направляющие физическую энергию масс на борьбу с природой, особенно легко позволяют людям почувствовать своё истинное назначение — овладеть силами природы, укротить их бешенство” (46, т.27, с.43).

Подобная “победная” фразеология звучала бы почти иронично, если бы не одно “но” — речь в данном случае идет о строителях Беломорканала...

Качественное различие объектов абсолютизации не должно скрыть сходство методологических подходов фюрера и писателя — попыток найти оправдание человеческого существования за пределами самого этого существования. Предпосылкой и гитлеровской “концепции культуры” как материализованной — и материализующей — истории, и горьковской “идеи культуры” как “второй природы” была одна и та же риторическая эволюция. “Обслуживающая” (по отношению к социальному организму) функция культуры сначала стала “автономной”, а затем и “доминирующей”, сведя тем самым на нет значимость всех иных форм жизнедеятельности.

Классическим образцом того, как сами “интеллектуальные идеологи” оценивают свое место в современном разделении труда, является, безусловно,

А.И.Солженицын. Его понимание роли и задач русской интеллигенции, изложенное в ряде публицистических статей, демонстрирует стремление к консервации, стабилизации, не-развиваемости определенного набора моральных, эстетических, политических и т.п. постулатов, по отношению к которым любые другие ценностные ориентиры выступают как ложные, фальшивые, неистинные. Уверенность в универсальном характере своих ценностей ведет к прагматическим статусным претензиям на роли “хранителей” и “толкователей” данных ценностей в современном обществе. И если четверть века назад в статье “Образованищина” интеллигенции отводилась роль “праведников” (“жественной элиты”) (47), то в относительно недавней полемике по поводу постмодернизма ей уже вменены поистине сверхчеловеческие задачи. “Если мы, создатели искусства, — писал Солженицын в 1993 г., — покорно отдадимся этому склону вниз, если мы перестанем дорожить великой культурной традицией предшествующих веков и духовными основами, из которых она выросла, — мы поспособствуем опаснейшему падению человеческого духа на Земле, перерождению человечества в некое низкое состояние, ближе к животному миру” (48, с.6) — даже если эта “культурная традиция предшествующих веков” утратила связь с настоящим.

Подведу итог. Структурно-функциональная версия автобиографии интеллигенции оказалась попыткой доказать обществу, что есть целый набор социальных функций, осуществлением которых занимается именно интеллигенция. Сложнее оказалось доказать другое: во-первых, что эти “функции” необходимы (или полезны) обществу, и во-вторых, что никто другой, кроме интеллигенции, не способен с ними справиться. Вместо заключения процитирую Л.Шестова:

“Если бы алхимик или древний гадатель откровенно признался ближним, что его занятия не преследуют общепольных целей, чем оправдал бы он свою праздность? Им нужно было казаться полезными или, по крайней мере, страшными, чтобы оградить себя от назойливого любопытства и контроля. И они бессознательно или сознательно лгали, то обнадеживая, то пугая людей. Но, несомненно, у них было свое, важное дело, которое имело только один недостаток — оно было их личным, а не общественным делом. А о личных делах принято молчать...” (49).

И этому давнему правилу структурный функционализм следует беспрекословно.

1. Freud S. *The Freud reader*. N.Y., 1995, p. 591.
2. Debray R. *Teachers, writers, celebrities: The intellectuals of modern France*. L., 1981.
3. “Time”, 1.III.1995.
4. Coser L. *Men of ideas: A sociologist's view*. N.Y., 1965.
5. Wilson F. Public opinion and intellectuals. — “*The American political science review*”, 1954, June, p.323.
6. Parsons T. The intellectual: a social role category. — *On intellectuals. Theoretical studies. Case studies*. N.Y., 1969.
7. Rahv Ph. *Literature and the 60s sense*. Boston, 1970, p.178-179.
8. Nettle J. Ideas, intellectuals and the structure of dissent. — *On intellectuals. Theoretical studies. Case studies*, p.74.
9. Цит. по: Иконников В. Русские университеты в связи с ходом общественного образования. — “*Вестник Европы*”, 1876, сентябрь, с.96.
10. Eyerman R. Intellectuals: a framework for analysis, with special reference to the US and Sweden. — “*Acta sociologica*”, 1992, № 1, p.38.
11. Merton R. *Social theory and social structure*. N.Y., 1968.
12. Ollansonn L. The intellectual as a social engineer: Gunner Myrdal and the formation of the Good society. — *Knowledge and power: The changing role of European intellectuals*. Aldershot, 1996, p.37-60.
13. Boggs C. *Intellectuals and the crisis of modernity*. N.Y., 1993.
14. Рейснер М.А. Интеллигенция как предмет изучения в плане научной работы. — “*Печать и революция*”, 1922, №1, с.93.
15. Поппер К. *Открытое общество и его враги*. Т.2. М., 1992, с.257.

16. Kurczewski J. Power and wisdom: the expert as mediating figure in contemporary Polish history. — *The Political responsibility of intellectuals*. Cambridge, 1990, p.77-101.
17. "Независимая газета", 12.XII.1996.
18. Johnson D., Greffe E. Ethical political consulting: oxymoron? — "Campaigns and Elections", 1997, vol.18, №1.
19. Walsh K. Meet The puppetmasters; political consultants pick the issues, set the tone — and get rich. — "U.S. News and World Report", 11.III.1996.
20. Moley R. *After seven years*. N.Y., 1972.
21. Ekirch A., Jr. *Ideologies and Utopias: The impact of the New Deal on American thought*. Chicago, 1971, p.76.
22. Lash J. *Dealers and dreamers: a new look at the New Deal*. N.Y., 1988, ch.IX.
23. Burns J.M. *Roosevelt: the lion and the fox*. N.Y., 1956, p.172-173.
24. "Коммерсант-daily", 12.VII.1997.
25. "Известия", 1993, № 65.
26. Токвиль А. де. *Демократия в Америке*. М., 1992, с.192.
27. Schlesinger A. M., Jr. Walter Limpann: The Intellectual vs. Politics. — Schlesinger A.M., Jr. *The politics of hope*. Cambridge, 1962, p.147.
28. Arney W.R. *Experts in the age of systems*. Albuquerque, 1991.
29. Dorsey J. *Psychology of political science. With special consideration for the political acumen of Destutt de Tracy*. Michigan, 1971, p.120-121.
30. Tracy D. *A Treatise on Political Economy*. Georgetown, 1817. (Reprinted in 1971).
31. De Man P. Phenomenality and materiality in Kant.. — De Man P. *Aesthetic Ideology*. Minneapolis, 1996, p.70-91.
32. Montero M. Ideological and psychological research in the third world. — "Journal of social issues", 1990, vol.3.
33. Shils E. *The Intellectuals and the Power and Other essays*. Chicago, 1972, p.5.
34. Baudrilliar J. Simulacra and Simulations. — Baudrilliar J. *Selected writings*. Stanford, 1988, p.170.
35. Bourdieu P. *Language and symbolic power*. Cambridge, 1991, p.163-171.
36. Eagleton T. *The function of criticism: From The Spectator to Post-Structuralism*. L., 1984, p.39.
37. Кольцов И. В защиту интеллигенции. — "Дело", 1882, № 4.
38. Лавров П.Л. *Избр. соч.* (в 8 тт.). Т.1. М., 1939.
39. Barthes R. Writers, intellectuals, teachers. — *Barthes R. A Barthes reader*. N.Y., 1983.
40. Бахтин М. *Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет*. М., 1975, с.17.
41. De Man P. *The resistance to theory*. Minnesota, 1986.
42. Schumpeter I. *Capitalism, socialism, and democracy*. N.Y., 1950, p.148.
43. Eagleton T. *Criticism and ideology: A study in Marxist literary theory*. L., 1980, p.20-21.
44. Hitler A. *The speeches. April 1922 — August 1939*. Vol.1.N.Y., 1969.
45. Michaud E. National socialist architecture as an acceleration of time. — "Critical Inquiry", Winter, 1993.
46. Горький А.М. *Собр. соч.* (в 30 тт.). М., 1953-1957.
47. Солженицын А.И. Образованщина. — *Из-под глыб* (сб. статей). 1974, с.255.
48. Солженицын А. Ответное слово на присуждение литературной награды Американского национального клуба искусств. — "Новый мир", 1993, № 4, с.6.
49. Шестов Л. *Апофеоз беспочвенности (опыт догматического мышления)*. СПб, 1911, с.215.